

Благодаря пылкой рекомендации господина Чжана из Министерства обороны и прекрасной рекламе на страницах «Столичных дневных записок», даже «Парные изречения из Четверокнижия», на которые прежде никто не обращал внимания, раскупили в количестве пятидесяти-шестьдесят экземпляров. Позже из столицы даже начали приезжать купцы, расспрашивая об этой книге. Они искали способ узнать адрес Цуй Се, надеясь уговорить его написать еще одно пособие для чудо-ребенка. Или даже без его прямого участия: у книготорговцев имелись знакомые шэньюани, готовые выполнить всю работу пером, а от него требовалось лишь поставить свое имя.

Лавочник Цуй твердо отверг все подобные предложения. Если бы ему понадобилось нанять призрачных авторов для создания учебных пособий, у него имелась собственная книжная лавка — с какой стати он стал бы отдавать свое имя чужакам?

Он прославился так быстро, что несколько шэньюаней, которые планировали помочь ему обрести известность только после осенних экзаменов в столице, были немало удивлены. Оторвавшись от своих учебных занятий, они пришли поздравить его. Увидев, что он остался все тем же воспитанным юным учеником и ничуть не задрал нос от похвалы господина Чжана, они окончательно успокоились.

Цуй Се не стал обсуждать с ними столичные новости. Вместо этого он достал комплект «Троецарствия», сплошь оклеенный пестрыми записками с их собственными верхними полями комментариев, и предложил талантам самим отобрать и отредактировать тексты, чтобы формулировки стали более емкими, а столкновения разнящихся мнений — более яркими.

Сколько людей, столько и взглядов на «Троецарствие». Не говоря уже про роман, если сопоставить его с «Записями о Троецарствии», то образы героев в умах разных людей различались как небо и земля. Встречая чужие пометки, противоречившие их собственным представлениям, шэньюани не могли удержаться от того, чтобы не вступить за любимых советников и героев. А найдя единомышленников, принимались хором восхвалять изящный слог и грандиозные сцены романа. Но стоило дискуссии дойти до спорного момента, как споры вспыхивали с новой силой...

Так, слово за слово, они совершенно увлеклись процессом. А ведь они пришли расспросить о господине Чжане и «Парных изречениях из Четверокнижия», однако проработали над комментариями целый день и вспомнили об истоках лишь перед самым уходом:

— Господин Чжан упомянул тебя в «Главе о поощрении к учению». Как это получилось?

Цуй Се лишь спокойно улыбнулся:

— Это все решение господина Чжана, а откуда знать мне, простому ученику? Я об этом особо и не думаю. Сейчас главное другое: как нам лучше поступить с изданием «Шесть гениев критикуют Троецарствие»? Печатать и продавать по одному тому по мере готовности или дожидаться, пока вырежут все доски, и продавать сразу полным комплектом?

— Разумеется, печатать и продавать по одному тому!

Прочитав и саму книгу, и комментарии, они и сами горели желанием побыстрее получить готовые тома, чтобы продолжить печатные баталии с оппонентами!

Глядя на то, с каким нетерпением таланты рвутся заполучить книги, Цуй Се окончательно утвердился в своем решении. Он позвал управляющего Цзи и сообщил, что планирует выпускать книгу пометно, том за томом, а после завершения всей публикации выпустить

подарочное издание в футляре.

Управляющий Цзи изумленно вытаращил глаза. Поглаживая усы, он показал на волдыри на губах и со вздохом пожаловался:

— Покупатели, распаленные вашими рисунками, каждый день допекают нас и требуют книги! Мы с лавочниками уже боимся двери открывать. Если удастся поскорее напечатать хотя бы один том, пусть даже не следующий по порядку, мне хотя бы будет что ответить людям!

Поскольку покупателей ничуть не заботил живот Люй Бу, Цуй Се дал себе полную волю и принялся набрасывать иллюстрации, вдохновляясь образами статных генералов из самых разных адаптаций «Троецарствия» и современных актерских воплощений.

В каждом томе «Троецарствия» было всего по пять глав. Располагая иллюстрации на месте традиционных гравюр, по одной-две картинки в день, он продвигался в комфортном темпе. Днем он по-прежнему учился, а вечерами рисовал дома. Разве что ночами усерднее зубрил тексты, и его жизнь не сильно изменилась от единственной похвалы господина Чжана.

Однако, хоть сам он не менялся, отношение окружающих к нему разительно переменялось: если раньше в нем видели лишь обычного ученика, у которого были задатки чудо-ребенка, но который им так и не стал, то теперь его признали истинным вундеркиндом.

Начальник уезда Ци во время своего отдыха вызвал его в уездное Ямень. Внимательно разглядывая юношу, он долго цокал языком, а затем тепло улыбнулся:

— Я знал, что ты наделен талантом, но не думал, что настолько. Твою книгу я уже велел отправить в управу округа. Господин начальник округа, ознакомившись с ней, не скупился на похвалы. А узнав, что ты всерьез учишься всего год или два, и вовсе счел тебя редким гением нашего округа. Полагаю, с окружным экзаменом у тебя проблем не возникнет.

Глаза Цуй Се вспыхнули. Он взволнованно поднялся, опустил голову и с запинкой произнес:

— Чем заслужил убогий ученик столь высокую милость и покровительство господина начальника уезда?

Начальник уезда Ци усмехнулся:

— К чему эти разговоры о покровительстве? В душе я отношусь к тебе как к собственному ученику и младшему сородичу, так неужели я не желал бы твоих успехов? Скажи, умеешь ли ты уже писать сочинения?

Понуриив голову, Цуй Се ответил:

— Я проучился у господина Линя всего два месяца, и мои работы пока несовершенны. Однако подаренное вами «Собрание сочинений шести господ» я уже выучил наизусть, так что определенная основа у меня имеется.

Начальник уезда Ци с удовлетворением заметил:

— Хороший мальчик. Я знаю, что ты обладаешь феноменальной памятью, и заучить несколько сот древних статей для тебя не труд. Но особенно ценно то, что ты принял мои слова к сердцу и сперва досконально изучил прозу эпох Тан и Сун. Впитав их дух и слог, ты сможешь писать легко и непринужденно, словно изливающиеся жемчуга или бьющий родник.

Цуй Се почтительно изъявил послушание. Начальник уезда Ци похлопал его по плечу и добавил:

— Срок твоей учебы еще слишком мал, и хорошую статью за один миг не напишешь... Сделаем так: когда настанет зимняя пора досуга, ты тщательно отточишь несколько сочинений, а я посмотрю, годятся ли они для показа. Если выйдет неплохо, я от твоего имени передам их господину Вану на исправление. Он прошел обе ступени экзаменов и стал цзиньши; если он согласится поправить твои работы, это станет для тебя великим благословением.

Хотя «Столичные дневные записки» не раз запрещались властями, они неизменно удерживали первое место в рейтинге самых популярных сборников экзаменационных материалов. Хотя позже на рынке появились и другие подобного рода пособия, их продажи и слава не могли сравниться с ними.

Новое произведение господина Чжана «Глава о поощрении к учению» вошло в предисловие этой книги наряду с такими шедеврами, как «Разъяснение об успехах в учебе» Хан Чана и «Напутствие уходящему в Дунъян Ма Шэну» сунского ученого. Узнав об этом, господин Чжан был весьма доволен собой и, приходя в службу, даже тайком показывал книгу коллегам и подчиненным.

Правый цензор Дучаюани Ли Юй, имевший с ним приятельские отношения, услышав, что упомянутый в статье некий Цуй — сын чиновника Министерства финансов Цуй Цюэ, решил приватным образом предостеречь его:

— Когда этот сын Цуй Цюэ жил в столице, за ним не замечалось никаких проявлений гениальности, и среди сверстников он ничем не выделялся. С чего бы вдруг, выехав из столицы, он сразу начал собирать парные изречения и прослыл чудо-ребенком? Брат Тэнсяо, ты принял его за усердного книгочея из глухой провинции, но не опасаясь ли, что отец с сыном вступили в сговор и пошли на подлог ради выгоды и продвижения?

Будь ему пять лет, объявление о чудо-ребенке еще имело бы смысл. Но пятнадцатилетний простолудин — какой из него гений!

Ли Юй возглавлял Дучаюань и наглядно видел немало чиновников, фабрикующих ложные знамения и фальшивых вундеркиндов ради снискания милости государя. Поэтому, видя, как господин Чжан печется о Цуй Се, он не удержался от предостережения, дабы того не обманули подчиненные.

Чжан Пэн обмахивался книгой, словно веером, и с улыбкой ответил:

— Брат Гудань, будь покоен, этот ученик точно не мошенник. Его книгу мне передал Се Ин, да и сам юноша — праведник, удостоенный высочайшего указа и памятной таблички. Если за ним и есть какая вина, то, даже если я не стану проверять, Цзиньвэй его не упустит.

Ли Юй вскинул брови, качнул головой и больше не заводил речи о Цуй Се, а вместо этого спросил о его отце:

— А что же сам Цуй Цюэ? Он что-нибудь говорил?

Чжан Пэн ответил:

— Он человек рассудительный, с расспросами не приходил, да и в Министерстве финансов никаких слухов не ходит.

Ли Юй сдержанно хмыкнул:

— Иметь сына-гения, скрывающегося в глуши, — уже великая честь для него. Если бы он еще начал поднимать шум, это было бы верхом нескромности. Но сын его и впрямь любопытен: в столице о нем никто не слыхивал, а стоит выехать из столицы — и он тут же и герой-праведник, и чудо-ребенок. Неужели в Цяньане земля обладает столь чудесной силой?

Чжан Пэн рассмеялся:

— Какая там сила в Цяньане, где раз в несколько лет едва выйдет хоть один успешный экзаменуемый! Скорее уж Цуй Цюэ просто не умеет воспитывать детей: дома у него ни один ребенок не вышел толковым, а этот, едва покинул дом, сразу добился успехов.

Как чиновник он посредственность, как человек — сухой педант, да и отец из него никудышный. Не будь он учеником командующего Ваня, едва ли в свои годы дослужился бы до чиновника пятого ранга.

Хотя два сановника сошлись ради разговора о нем, сказать о нем более было нечего, поэтому они оставили эту тему и перешли к обсуждению недавнего донесения Ван Чжи. Тот подал доклад о том, что помощник командующего левого крыла в Датуне Лу Цинь и евнух-инспектор Ян Сюн не справились с обороной, из-за чего вражеские налетчики вторглись на границы и учинили жестокие грабежи.

Лу Цинь обладал полководческим талантом, однако вся военная власть находилась в руках евнухов, а двое евнухов-инспекторов к тому же давно питали к нему вражду — как тут было избежать поражения?

<http://bllate.org/book/18372/1761298>